

Басова Ирина Геннадьевна

"ГОСУДАРСТВЕННОЕ" И "ЧАСТНОЕ" В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ПАРКА УСАДЬБЫ АПРАКСИНЫХ ОЛЬГОВО

Статья посвящена анализу семантической структуры усадебного парка имени Апраксиных Ольгово, который создавался в последней четверти XVIII - начале XIX века. Пространство парка органично сочетало в своей структуре элементы, одни из которых иносказательно повествовали о героических заслугах владельца перед Отечеством, другие, напротив, могли рассказать посетителю о частной жизни хозяина усадьбы. Тесное переплетение этих составляющих создавало уникальную среду, в которой отражалась многогранная личность конкретного владельца. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассматривается семантика парка именно данной усадьбы, являющей собой пример парадной резиденции богатого вельможи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 20-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гужва Е. Г. Воспитание нравственных ценностей у офицеров зарубежных армий // Мир образования. 2008. № 4. С. 86-96.
2. Корнеев Д. В. Особенности ПР-деятельности в вооруженных силах США и стран Латинской Америки [Электронный ресурс] // Международный пресс-клуб. URL: http://www.pr-club.com/assets/files/pr_lib/pr_root/Korneev.doc (дата обращения: 01.09.2013).
3. Кудрявцев Ю. М. Подготовка командных кадров к воспитательной деятельности в ВУЗах США, ФРГ и Великобритании // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 5-6. С. 20-24.
4. **Army Leadership: Competent, Confident, and Agile** [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/irp/doddir/army/fm6-22.pdf> (дата обращения: 25.08.2013).
5. **Dempsey: Military Must Keep „Bond of Trust“ With Troops, Families** [Электронный ресурс] // American Forces Press Service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=67777> (дата обращения: 03.09.2013).
6. **“Trust Military Profession“s Core”, Dempsey Tells Cadets** [Электронный ресурс] // American Forces Press Service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=67289> (дата обращения: 03.09.2013).

CONFIDENCE AS SOCIAL MANAGEMENT CATEGORY IN THE USA ARMED FORCES

Baranovskii Maksim Vital'evich

Military Academy of the Russian Federation Ministry of Defence

m.baranovskij@gmail.com

The article analyzes the experience of investigating and implementing the social phenomenon of confidence in the management of the USA Armed Forces. The author considers confidence as the relations between society and military institution and also as the social relations within the institution of the armed forces by the example of the USA Army. The paper presents the results of applied sociological and interdisciplinary researches.

Key words and phrases: confidence; social institution; military and social management; leadership; values of the USA servicemen.

УДК 7: 712.03

Искусствоведение

Статья посвящена анализу семантической структуры усадебного парка имени Апраксиных Ольгово, который создавался в последней четверти XVIII – начале XIX века. Пространство парка органично сочетало в своей структуре элементы, одни из которых иносказательно повествовали о героических заслугах владельца перед Отечеством, другие, напротив, могли рассказать посетителю о частной жизни хозяина усадьбы. Тесное переплетение этих составляющих создавало уникальную среду, в которой отражалась многогранная личность конкретного владельца. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассматривается семантика парка именно данной усадьбы, являющей собой пример парадной резиденции богатого вельможи.

Ключевые слова и фразы: Апраксины; Ольгово; семантика усадебного парка; пейзажный парк; увековечивание военных побед; путешествие по парку.

Басова Ирина Геннадьевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Nika3410@yandex.ru

«ГОСУДАРСТВЕННОЕ» И «ЧАСТНОЕ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ПАРКА УСАДЬБЫ АПРАКСИНЫХ ОЛЬГОВО®

Во второй половине XVIII века парк являлся важным элементом семантической структуры загородной помещицкой усадьбы. Его значение в усадьбе возросло с распространением моды на так называемые английские сады. Парк не просто занимал огромные территории вокруг усадьбы (зачастую до нескольких десятков гектар) и служил местом проведения досуга. Созданный в рамках культуры «галантного века», известного своей любовью к различным иносказаниям, усадебный «вертоград» в целом являлся символом рая, Эдема, собирательным образом «вселенной». Эти метафоры были хорошо известны определенному кругу людей. В состав парка включались компоненты, воссоздающие «макрокосм мыслей, ценностей, чувств владельцев, история жизни их и их рода...» [10, кн. 1, с. 171]. Именно поэтому каждый усадебный парк, обладавший собственной оригинальной концепцией, является уникальным явлением и интереснейшим объектом для изучения. Каждый его элемент, будь то беседка, обелиск или название лужайки, был наделен особым смыслом. Все отдельные детали складывались в некую продуманную композицию. Человек, обладавший определенным уровнем знаний в области мифологии и литературы, мог «читать» композицию усадебного сада, раскрывая для себя духовный мир его создателя. На примере имени Апраксиных Ольгово мы попытаемся

раскрыть концепцию одного из таких усадебных парков, созданных в конце XVIII – начале XIX века. Эта попытка не просто позволит нам глубже осмыслить личность создателя усадьбы, но также даст возможность расширить наше понимание культуры XVIII века.

В настоящее время парк в Ольгово давно заброшен, большинство павильонов в нем разрушено. Мы можем составить представление о нем лишь по старинным акварелям и сохранившимся описаниям. Он был преимущественно липовый, но содержал много экзотов, призванных внести колористическое разнообразие. Там были берлинские тополя, сибирские лиственницы, дубы, дерен белый, голубые ели, ольхолистная ирга, боярышник и калина [16, с. 85]. Из-за обилия цветущих и плодоносящих растений колорит парка менялся в зависимости от сезона и был поистине живописным [8, с. 32].

В конце XVIII – первой четверти XIX в. усадьба Ольгово принадлежала богатейшему вельможе С. С. Апраксину. Он занимался генеральной реконструкцией усадебного дома и парка. С. С. Апраксин был яркой, незаурядной личностью, одним из известнейших людей своего времени. В юности он получил образование в Лейденском университете. Затем долгие годы служил военным, как и его отец, фельдмаршал С. Ф. Апраксин. На военном поприще служили практически все мужчины рода Апраксиных. Сам Степан Степанович принимал участие в русско-турецких войнах 1768-1774 гг., 1787-1792 гг., 1806-1812 гг., в польской кампании 1794 г. После выхода в отставку он, будучи страстным театралом, организовал собственный театр, в который приглашал известные труппы, поддерживал дружеские отношения с известными литераторами и актерами. Все стороны его яркой, многогранной личности, отдельные факты его биографии нашли отражение в его усадьбе, концепция которой разрабатывалась при его непосредственном участии.

В парадной части усадьбы в Ольгово демонстрировались общественные заслуги С. С. Апраксина и других славных представителей его рода перед Отечеством. Первое, с чем сталкивался посетитель усадьбы, были пары обелисков, которые фланкировали въезд в Ольгово как со стороны главной подъездной дороги, так и со стороны хозяйственного двора. Эти сооружения всегда обозначали переход в особое, сакрализованное пространство, настраивали на торжественный и строгий лад. Со времен Петра I начал складываться обычай возводить пары обелисков перед триумфальными воротами или перед притвором храма, и это изначально связывалось с воинскими добродетелями. Смысл этих построек объясняли следующим образом: «пример и подобие в символах и эмблематах приемшие, пред входом, и аки бы пред притвором храма воинские первейшие добродетели, сиесть мужества, два обелиски сиречь: столпы в славу победителям и честь достойным возставляемы» [Цит. по: 10, кн. 1, с. 44]. Миновав подъездную аллею, посетитель оказывался на парадном дворе. В Ольгово парадный двор представлял собой замкнутое пространство, образованное флигелями и полукруглыми корпусами, а въезд туда фланкировали две готические башни. До настоящего времени сохранилась только одна башня въездных ворот. Истоком для такого рода построек в усадьбах послужили павильоны на Ходынском поле, возведенные в честь празднования Кучук-Кайнарджийского мира. Программа этого празднования изложена в известном письме Екатерины II к Гриму [19, с. 142]. Владельцы поместий заимствовали из этой затеи императрицы не просто форму странных, вычурных на вид павильонов, но также саму идею прославления русского оружия посредством пространственной аллегии.

В то же время украшенные неоготическими деталями ворота в Ольгово являлись важным компонентом в создании особого игрового пространства Средневековья. Декорированный в «средневековой» стилистике въезд противопоставлялся главному дому, который связывался в понятии современников с современной архитектурой. Игра в старинную, «как бы» средневековую усадьбу поддерживалась скульптурными портретами далеких предков, размещенными в главной зале ольговского дома. Многие из этих предков служили на ратном поприще. Наряду с условно средневековыми элементами архитектуры эти портреты были символами «рыцарской» славы рода.

Не случайно появляются в Ольгово стилизованные элементы турецкой архитектуры, а именно мечети. Турецкий стиль, представляющий собой одну из разновидностей неоготики, появляется в частных владениях вследствие победоносных русско-турецких войн, в первую очередь у крупных военачальников. Самое непосредственное участие в этих войнах принимали и представители рода Апраксиных, включая самого заказчика. Смысл подобных построек состоял в сохранении памяти о победоносных войнах с турками и о прославлении побед над ними.

Во второй половине XVIII века во многих усадьбах, в том числе и в Ольгово, появляются отдельно стоящие обелиски. Эти сооружения имели мемориальное значение, хорошо понятное современникам, и были тесно связаны с темой восхваления павших в боях героев. В последней трети XVIII века реализуется ряд государственных заказов на возведение обелисков, имеющих значение памятника выдающимся военным подвигам. В 1771 г. был возведен обелиск, посвященный гр. П. А. Румянцеву и битве при Кагуле. На Марсовом поле велением Павла I в 1799 г. был исполнен обелиск Румянцева победам, перенесенный оттуда на Васильевский остров в 1820 г. Идея была подхвачена частными заказчиками: обелиски начинают возводить в усадебных парках. В ольговском парке был возведен отдельно стоящий мемориальный обелиск, посвященный гр. А. П. Строганову [1, с. 24]. Так чтит память и подвиг молодого Александра Строганова, племянника хозяйки усадьбы, погибшего в битве при Краоне. Семантика обелиска, как и его форма, была заимствована из древнеегипетской архитектуры. Подробное описание этих сооружений можно найти в литературе XVIII века [12, с. 6].

Для полноты «вселенской» картины в Ольгово были использованы элементы и древнеримской архитектуры. Там были триумфальные ворота, возведенные в честь воинских подвигов Д. В. Голицына, брата хозяйки усадьбы. Ко второй половине XVIII века в России существовала уже собственная традиция возведения триумфальных ворот, начало которой было положено во времена первых викторий Петра Великого. Эта форма

архитектуры исконно была приурочена к государственным праздникам. Изначально триумфальные арки символизировали наивысшую степень почитания монарха как великого полководца. Постепенно они начинают возводиться в честь императорских подданных – военачальников, а то и вовсе перекачываются в пространство частных усадебных парков, сохраняя смысл прославления ратных подвигов. Екатерина II первая приказала возвести триумфальную арку в честь выдающихся государственных деятелей, не принадлежащих к императорской фамилии (П. А. Румянцева-Задунайского в Коломне и А. Г. Орлова в Царском Селе).

При переходе из пространства, связанного с понятием «государственное», в область «частного» посетитель усадьбы не замечал резкой границы. Иногда и значимые элементы воинского триумфа низводились до значения игрового, декоративного. Учитывая многозначность символа в XVIII веке, некоторые элементы мы можем отнести как к сфере частного, так и государственного. Таковым был Храм Добродетели в ольговском парке. Как пишут очевидцы, неверный муж С. С. Апраксин поставил его в честь терпения и добродетелей своей жены, Е. В. Апраксиной. Как нам кажется, подобное толкование не является единственным, а представляет скорее шуточный вариант. Широко распространенным было понятие Героической Добродетели, напрямую связанное с идеей воинской чести, храбрости и мужества. Описание Героической Добродетели встречаем в Иконологическом лексиконе [11]. В храме была статуя, как считалось, жены С. С. Апраксина. Она не сохранилась. Возможно, эта скульптура изображала некую античную богиню. А на самом храме существовала надпись золотыми буквами «Hommage a la vertu» (В честь добродетели, или Почтение добродетели). Считаем уместным заметить, что в 1779 г., незадолго до строительства Ольгово, вышла книга *Verdy du Vernois* «Hommage à la Vertu guerrière ou éloges de quelques-uns des plus célèbres officiers François qui ont vécu et qui sont morts sous le règne de Louis XV» (В честь воинской добродетели, или Похвала некоторым наиболее знаменитым офицерам Франции, которые жили и умерли в правление Людовика XV). Полное совпадение начальных слов заглавия книги и надписи на храме наводят на мысль о том, что одно тесно связано с другим. Тем более что Апраксин активно интересовался военной историей, и отдел библиотеки военной литературы в его усадьбе был наиболее полным. Помпезный, патетический тон этой книги, а также ее патриотические задачи сильно перекликаются с семантической структурой Ольгово. Книга посвящена «той части общества, которая посвятила себя защите и славе Родины». Эти же слова мы можем отнести к парадной части Ольгово. Персонажи этого литературного сочинения служат примером Героев, «которые защищали свою Родину, Граждан, которые любили Государство, Мудрость, которые прославили свой век и свою Nation» [20, р. 50]. В пространстве усадьбы посредством символов и аллегорий переданы те же идеи. Именно такими Героями должны были предстать перед зрителями сам заказчик усадьбы, его предки, его знаменитые современники. При таком толковании значения Добродетели очень логичным кажется соседство храма с упомянутым строгановским обелиском и триумфальными воротами. В настоящее время от данных построек ничего не сохранилось.

Идея посвятить парадную часть усадьбы прославлению воинского подвига была не нова. Можно привести целый ряд примеров различных поместий, в основе семантической структуры которых лежит эта мысль, например усадьба А. Г. Орлова-Чесменского Нескучное, Троицкое – Кайнарджи Румянцева-Задунайского, Таврический дворец, выстроенный для Г. А. Потемкина. В усадьбе А. А. Безбородко регулярная часть сада во многом уподоблялась «Пантеону патриотическому», в котором можно было «прочитать» историю века в памятниках сынам отечества воздвигнутых» [6, с. 114].

Но иногда полководец, не без влияния учения Руссо становился «человеком», у которого «тихия чувства природы теснятся иногда в сердце» [18, с. 15]. Тогда он переходил в потаенную часть усадьбы, относящуюся к сфере «частного». Неизменно область «частного» в сознании современников связывалась с пейзажным парком, который априори созвучен конкретной личности, его создавшей, ее субъективным чувствам и ощущениям.

Пейзажный парк в Ольгово был разбит на территории в сорок гектар. Он был расположен в живописном месте на склоне холма. Значимыми элементами являлись названия аллей, полянок, водоемов. Украшением ольговского парка были три пруда, которые имели оригинальные названия: Черный, Белый и Воробей [5, с. 15]. Воробей, самый большой из трех водоемов, находился в самом конце парка. На берегу этого пруда были Псарный двор и Зверинец. Возможно, название Воробей должно было вызывать у просвещенного зрителя ассоциацию со стихами Катулла, которые он посвятил птичке своей возлюбленной. Ассоциация с «Воробушком» Катулла порождала в душе гуляющего меланхолические размышления на тему нежной дружбы и привязанности (хозяйки Лесбии к птенчику), мимолетности всего сущего, о «слепой судьбе», лишаящей нас самого дорогого. Все эти переживания очень естественны для пейзажного парка, где природа должна быть созвучна настроению человека.

Оригинальные названия двух других прудов натолкнули нас на мысль обратиться к семантике цвета в античности, которая была хорошо знакома заказчикам, подробно изучавшим мифологию и античную философию. Так, белый цвет традиционно являлся символом не только праведности, невинности, чистоты, но и чего-то традиционного, ясного, логичного, **прошлое**. Белый пруд располагался прямо напротив садового фасада дома и первым попадался гуляющему. Недалеко от него начиналась, судя по плану, канава, не позволяющая посетителю углубляться в парк, а уводящая его в сторону Черного пруда, который располагался напротив бокового фасада главного дома. Черный цвет с гомеровских времен считался не только цветом траура, но и связывался с чем-то неопределенным, непредсказуемым, символизировал **будущее**. «Гомеровские герои уподобляют его (*черный цвет* – И. Б.) глубоким водам, потому что он содержит сущность скрытой жизни» [17, с. 51]. Таким образом, гуляющий по парку Ольгово должен был совершать мысленное путешествие во времени от ясного, незыблемого прошлого в область загадочного, непредсказуемого, непонятного будущего, что соответствовало концепции пейзажного парка. Черный являлся также олицетворением времени и был связан с богом

Кроносом. Присутствие в парке каких-либо объектов, навевающих мысли о мимолетности всего сущего, о быстротекущем и бесконечном времени, составляло неотъемлемую черту пейзажных парков. Посередине Черного пруда был также остров Любви. Название острова, в духе пасторалей XVIII века, прямо указывало на то, в чьей власти находился посетитель парка. К любовным переживаниям отсылало посетителя и название первого из упомянутых прудов (Воробей), так как свиту богини любви Афродиты составляли в античной мифологии в том числе воробьи. Они считались священными в ее культе и были посвящены ей как богине плодородия. В «Гимне Афродите» Сафо описывает колесницу Афродиты, запряженную этими птицами.

Таким образом, сама структура пейзажного парка была рассчитана на путешествие не просто физическое, но и на переход от одного настроения к другому. Гуляющий по усадьбе Ольгово, не спеша дойдя до Воробья, совершал меланхоличный мысленный переход от грустных мыслей о бренности бытия к приятным мыслям о любви. Навеванные сентиментальными переживаниями, названия некоторых объектов в усадьбе были даны в память об определенном событии или человеке. В Ольгово был Марьян луг [14, д. 13, л. 44 об.], названный так, возможно, по имени горячо любимой старшей сестры владельца усадьбы – Марии Степановны Талызиной.

Как уже было отмечено вначале, в целом усадебный пейзажный парк служил прообразом Рая. Ж. Делиль, автор поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды», писал:

Владельцу каждому всегда стремиться надо
Устроить маленький Элизиум из сада.

Элизиум – в греческой мифологии часть подземного царства, место обитания праведных душ. Несомненно, при создании сада возникали ассоциации и с христианским Эдемом, райским садом, подробно и красочно описанным в поэме «Потерянный рай» Дж. Мильтона, которая была очень популярна во второй половине XVIII века. Владелец усадьбы не просто прогуливался по парку, но играл при этом некую роль, легко понятную определенному кругу людей. Одна из таких «ролей» состояла в подражании первым людям, Адаму и Еве, до их грехопадения. Считалось, что человек в усадьбе должен вести «естественную» гармоничную жизнь на лоне «дикой» природы, подобно Адаму и Еве, которые наслаждались счастьем праведного труда, чистыми и невинными радостями простого человека. Подражая им, владельцы усадеб должны были заниматься посильными трудами, связанными с возделыванием райского сада. Неотъемлемой частью этой игры в возделывание райского сада были многочисленные богатые фруктовые и тропические оранжереи и теплицы, которыми славились многие усадьбы, в том числе и Ольгово. Теплицы имели не просто утилитарное назначение. Исходя из тезиса, что усадьба представляла собой еще и «вселенную» в миниатюре, с помощью оранжерей и экзотических растений в них на маленьком клочке земли удавалось собрать всю возможную флору. В Ольгово, судя по документам, все теплицы периодически ремонтировались и использовались по назначению вплоть до начала XX века.

В самых тенистых и отдаленных частях парка располагались самые укромные павильоны. В Ольгово к наиболее удаленным и укромным постройкам можно отнести грот и охотничий домик. В создании таких хижин была заложена другая общепринятая и понятная в определенном кругу игра в **философа-отшельника**. Осознание себя мудрецом, далеким от обаяний мира, было неотъемлемой частью образа многих просвещенных дворян. Например, А. Б. Куракин в письме из Лейдена сравнивает себя с Сократом [2, т. 7, с. 394]. Казалось бы, в обществе С. С. Апраксина, храброго генерала и ловеласа, если судить по многочисленным воспоминаниям о нем, мало походил на аскетичного ученого. Однако же вот что он пишет сам про себя в письме из Лейдена: «...мои мысли не вдохновляются больше ничем, кроме покоя и тишины. Я больше не житель помпезных городов, я – Диоген, я прячусь от несправедливостей мира, но не в бочке, а в скромной хижине, где я предаюсь наслаждениям от учебных занятий. Всегда преданный этим влечениям, я торжествую над моими страстями; я исследую человека, его добродетели и обратную сторону его природы; я люблю природу, я ее раскрываю, я ее изучаю, и вот здесь счастливо текут мои дни, тихие удовольствия которых меня очаровывают больше тех, которым я предавался в Петербурге» [Там же, с. 392]. В другом письме он опять пишет о себе: «Передаваясь неустанно изучению философии, я отказываю себе во всем, что есть материального, и если материя еще имеет какую-то притягательность для меня, даже попробовав удовольствий, я стал бы философом, и, не краснея, я сказал бы, как Диоген: *Hominem planto*» [Там же, с. 400]. Эта скрытая от общества половина его души и нашла свое воплощение в недоступной для широкой публики части усадебного парка. В маленьких укромных павильонах были зашифрованы воспоминания о молодости, когда юноша мог, уподобляясь античному философу, целыми днями предаваться научным занятиям.

В заключение хотелось бы заметить, что сложное переплетение понятий «частное» и «государственное» было характерно не только для парка, но продолжалось в помещениях усадебного дома, в постановках домашнего театра, в собранных коллекциях. Столь многогранная усадебная структура, органично сочетающая в себе такие противоположные понятия, как «государственное» и «частное», являлась отражением своего времени и господствовавшей тогда философии Просвещения. Прославление ратных подвигов носило назидательный, воспитательный характер. В то же время во второй половине XVIII века начинает развиваться сентиментализм, обращенный внутрь самого человека, к его чувствам и переживаниям. Как показали примеры, концепция парка в Ольгово, с одной стороны, создавалась в русле общих для своего времени идей, поэтому ее семантическая структура была хорошо понятна современникам. С другой стороны, важно было исследовать, какое неповторимое воплощение получили эти идеи в конкретной усадьбе, как отразилась в парке Ольгово многогранная личность заказчика.

Список литературы

1. Анисимов Ю. П., Греч А. Подмосковные музеи. Ольгово. Дубровицы. М. – Л., 1925. Вып. 4. 132 с.
2. Архив кн. Ф. А. Куракина: в 10-ти т. / под ред. М. И. Семеновского. СПб., 1890-1902.
3. Архив музея-заповедника «Дмитровский кремль». Ф. 72 (фонд А. И. Смирнова). Оп. 3.
4. Вдовин Г. Краткие тезисы к проблеме интерпретации семантики усадебного пространства и его мифологемы (на примере останкинского) // Искусствознание. М., 2003. № 2. С. 245-271.
5. Волкова Н. В., Павлова Т. Е. Ольгово. Дмитров, 2008. 33 с.
6. Гримм Г. Г. Проект парка Безбородко в Москве (материалы к изучению творчества Н. А. Львова) // Сообщения института истории искусств. М., 1954. Вып. 4-5. Живопись, скульптура, архитектура. С. 107-135.
7. Делиль Ж. Сады / пер. с фр. Л., 1987. 232 с.
8. Древесные растения парков Подмосковья / сост. М. С. Александрова, П. И. Лапин, И. П. Петрова и др. М., 1979. 238 с.
9. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. 304 с.
10. Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Монумены XVIII – начала XX века. М., 2001. Кн. 1. 380 с.; Кн. 2. 346 с.
11. Лакомб де Презель О. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. / перев. с франц. И. Акимовым. СПб., 1763. 344 с.
12. Лем И. Начертание древних и нынешнего времени разнородных зданий, как то храмов, домов, садов, статуй, трофеев, обелисков, пирамид и других украшений: в 7-ми ч. СПб., 1803.
13. Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М., 2006. 860 с.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 11. Оп. 33.
15. Нащокина М. В. Русские сады: XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. 256 с.
16. Полякова Г. А. Флора и растительность старых парков Подмосковья. М., 1992. 225 с.
17. Серов Н. В. Античный хроматизм. СПб., 1995. 478 с.
18. Теория составления и украшения ландшафтных и разного рода садов. М., 1831. 286 с.
19. Швидковский Д. О. Псевдоготика в русской архитектуре 1770-1780-х, ее английские источники и западноевропейские аналогии // Архитектурное наследие. М., 2001. № 44. С. 136-146.
20. Verdy du Vernois. Hommage à la Vertu guerrière ou éloges de quelques-uns des plus célèbres officiers François qui ont vécu et qui sont morts sous le règne de Louis XV. 1779. 204 p.

“STATE” AND “PRIVATE” IN SEMANTIC PROGRAMME OF THE APRAKSINS’ MANOR PARK OLGOVO

Basova Irina Gennad'evna
Lomonosov Moscow State University
Nika3410@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the semantic structure of the Apraksins' manor park Olgovo, which was created in the last quarter of the XVIII – at the beginning of the XIX century. The park space organically combined the elements in its structure, some of which allegorically narrated about the owner's heroic merits to the Fatherland, while others could tell the visitor about the privacy of the manor owner. Close intertwining of these elements created unique environment, in which a particular owner's multi-faceted personality was represented. The topicality of the work is in the fact that it for the first time considers the semantics of the park of just this manor, which is an example of the wealthy nobleman's grand residence.

Key words and phrases: the Apraksins; Olgovo; semantics of manor park; landscape park; perpetuation of military victories; journey through the park.

УДК 327

Политология

Статья посвящена феномену постсоветского пространства как уникальной реальности современной мировой политики. Автор пытается обосновать своё видение данного феномена, следуя за логикой исторического процесса. Несмотря на наличествующий материал по теме, представления исследователей неоднозначны, и вопрос требует дальнейшего осмысления не только с точки зрения политических процессов, но и для формирования объективного мировоззрения граждан, которые некогда называли себя гражданами Советского Союза.

Ключевые слова и фразы: постсоветское пространство; интеграция; феномен; новый миропорядок; СССР; трансформация; конфликты; международные отношения.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, к. полит. н.
Институт специальной педагогики и психологии
zeinabb1000@list.ru

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ©

Предостережения Джузеппе Боффа относительно последствий развала СССР («От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994»). М., 1996 г.) оказались пророческими. Автор утверждал, что после распада